

ПАМЯТЬ

К 100-летию со дня рождения

Готовится к изданию новая книга Фёдора Сухова, которая предполагается быть изданной к его столетнему юбилею в Нижнем Новгороде, под названием “Взыскуемый Град”, книгу с этим названием подготовил поэт перед своей кончиной для издания в Москве, но она тогда не вышла. Последняя книга стихов Ф. Сухова “Вербное воскресенье” вышла в Волгограде в 2012 году, ровно через сорок лет, как там же был рассыпан по цензурным соображениям набор книги с тем же названием. Нижегородцы давно уже, с 2005 года не видели стихотворных сборников поэта. Москвичи не видели стихотворных сборников с 1989 года, тогда книжечка “Мать и мачеха” вышла в издательстве “Современник”. Удивительно, вот уже 30 лет, как с нами нет поэта, но оказывается, что к любому сегодняшнему событию у него можно найти подходящие стихи. Вот и я подобрала совершенно неизвестное читателю стихотворение “ПЕРЕСВЕТ И ОСЛЯБЯ”, которое, на мой взгляд, очень современно.

Е. Сухова

ФЁДОР СУХОВ

ПЕРЕСВЕТ И ОСЛЯБЯ

1

То ли в белой росе, то ли в ладане
Утопает глухое урочище,
Та потайная пустынь, тот Радонеж,
Что березовой светится рощицей.

А во рощице скиния видится,
Старец Сергей выходит из скинии.
Два монаха, два братца, два витязя
С ног обувь келейную скинули.

Ноги босые греют на солнышке,
У развесистой топчутся ивины.
А обоколь-то чуются совушки,
А обоколь-то чуются филины.

Дикомыть поверх ивины чудится,
Вроде к синему небу возносится,

И откуда-то крикает утица,
Оглашает глухое урочище.

Старец двинулся к дряхлой колодине,
Он к святой приобщился проточине.
Нет, не в ладане — в белой смородине
Вся трава на кочкастой обочине.

Все-то птенчики, все-то бубенчики
Голос свой повсеместно возвысили.
Облака — как небесные вестники —
Припадают к сияющей лысине.

Осенённый великими думами,
Старец к братцам легонько приблизился.
Сразу ветры тревожные дунули,
Чьё-то вдруг притемнили обличие.

Всю-то пустынь они пригорюнили,
Всполошилась плакучая ивина,
Приклонилась к болотной угрюмине,
К дикой ночи зловещего филина.

2

Не ковыль мельтешит — кони по полю,
По увалу они, по угорине.
По заклёкшей земле кони топают,
В воробьином пластаются гомоне.

Вроде нет, не предвидится удержу,
Сам Мамай по угорине движется,
Сам подстрелил залётную утицу
Над рекой омутовой, ярыжистой.

По-над Доном тревожилась утица,
Окликала возлюбленных чадушек.
Значит, что-то зловещее сбудется,
Ни дроздов не увидишь, ни дятлушек.

Только чёрные-чёрные вороны
Будут каркать с усохшего деревца...
“Где вы, где, православные воины?” —
Голосит белоликая девица.

А и впрямь, где вы, русские ратаи,
На какой затаились околице?
У какой вы летуете радости,
У какой вы горюете горести?

Непроглядная видится ископоть
От нежданно нагрянувшей допоти.
Сам Мамай по угорине рыскает,
Сам Мамай по угорине топает.

“Нет, нет, не взлетит, не возвысится,
Есть узда и на чёрного ворона”, —
Возглаголют два братца, два витязя,
Два на солнце вззрившихся воина.

Загудел — да так слышно! — не бухалень,
 На всю Русь растревожился колокол,
 По дворам, по соломенной рухляди
 Расплескался возвышенным всполохом.

Созывалось великое воинство,
 Осенялось походными стягами.
 Тут любая берёза — как звонница,
 Тут любая рябина — как благовест.

Тут Москва, тут её ополчение
 По зелёной шагает поёмине,
 Тут великое благоволение
 Даже в птичьём учуется гомоне.

В щебетне воробьиной услышится
 Снизошедшее благословение...
 Есть она, голубиная книжица,
 Есть потайное стихотворение.

Песня дивного-дивного голоса,
 В лете есть она, есть она в осени.
 Пусть московской заставы околица
 В лебедином купается озере.

Не кручинится пусть, не печалится,
 Есть узда и на чёрного ворона.
 Ивняковая хрупкая чащица
 Перекатной волной уговорена.

Убаюкана тихую зорюшкой,
 Что вставала над мгливой околицей,
 Что роняла последнее зёрнышко
 Из ржаного несжатого колоса.

Непроглядная темень. Из темени
 Только звёзды — как кроткие ласточки
 Как озябшие листья на дереве,
 Бьют и бьют они в белые ладушки.

Вроде радость какую учуяли,
 Посредь темени просветь увидели,
 Наклоняются к хмурой прищурине,
 Прикасаются к горькой обидине.

Утешение вроде предвидится,
 Всей земли, всей Руси озарение.
 Пересвет да Ослябя...
 Два витязя
 Разгадали ночное знамение.

А когда развиднелось, услышали,
 Как походные стяги глаголали,
 Как туманом повитое вишеньё
 Трепетало на дикой угорине.

И Непрядва, что поблизь кручинилась,
Встрепенулась от утренней озари.
Показались задумчиво синие
Очи ранней встревоженной осени.

Братец к братцу вплотную приблизился,
Пересвет попрощался с Ослябею...
Всем своим существом, всем обличем
Приглубил поникшую яблоню.

Вышел на поле, что облюбовано,
Куликами обжито, оплакано, —
Есть узда и на чёрного ворона,
На его на поганое карканье.

Пересвет с Телебеем увиделся,
С Голиафом померился силою.
Очи славного русского витязя
Закатились под горькой осиною.

Затуманились и Телебеевы,
Схолодели раскосые буркалы.
На пески, на прибрежины белые
Тяжко стонет полуденный бухалень.

И дергач надрывается. Ведает,
Сколько кровушки на поле пролито.
Не искупит под небушком ведренным
Никакое червонное золото.

5

Все леса в червонеющем золоте,
Все поляны в калине, в терновине.
Не понять — то ли слёзы, то ль жёлуди
Ронит дуб на зелёной поёмине.

Заливную печалит поёмину
Невеликая эта дубровина.
Пусть по-своему, пусть не по-моему
Вспоминает двух братцев, двух воинов.

Князя Дмитрия видит дубровина,
Отдаёт превеликие почести,
Дабы крылья поганого ворона
Не чернели в берёзовой рощице.

Ни Мамаевы, ни Телебеевы
Не зверели раскосые буркалы.
На пески, на прибрежины белые
Не стонал опечаленный бухалень.

Не рыдал над замшелой колодиной,
Там, где ранние зори полощутся,
И не ладаном — белой смородиной
Медовеет глухое урочище.

1987

СОЛОВЬИНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Станиславу Куняеву

В отдалении от большой
Асфальтированной дороги
Утопаю я всей душой,
В луговой пропадаю вологе.

В непроглядном тумане бреду,
По незримой тропе ступаю,
Усыпляю свою беду,
Соловьиной врачую падью.

Как наяривают соловьи,
Ах, какие выводят колена!
Песня выстраданной любви
Торжествует над всей вселенной.

Над угрюмой гремит водой,
Неуёмное грохает диво.
Неуёмный слышу задор
Самодетельного коллектива.

Самодетельный коллектив,
Как он сладился, как он спелся!
На подмостках зелёных ив
Обнажённое дышит сердце.

Страстью взбалмошной обуян,
Лист живой говорит-органит,
Раздвигает сплошной туман,
Будто занавес раздвигает...